

НАПРЯМУЮ

К ПЫТКАМ:

ПОХИЩЕНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ
ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ РОССИИ В УЗБЕКИСТАН

STOP TORTURE

**AMNESTY
INTERNATIONAL**

Amnesty International – всемирное движение, которое насчитывает более 7 миллионов человек, борющихся за мир, в котором права человека доступны каждому.

Мы стремимся к тому, чтобы каждый человек мог пользоваться всеми правами, провозглашёнными во Всеобщей декларации прав человека и других международных стандартах в области прав человека.

Мы не зависим ни от каких правительств, политической идеологии, экономических интересов или религиозных воззрений, и получаем основную часть средств за счёт членских взносов и добровольных пожертвований.

© Amnesty International 2016

За исключением случаев, когда предусмотрено иное, содержание данного документа лицензировано в соответствии с лицензией Creative Commons (с указанием авторства, некоммерческая, без производных, международная 4.0).
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/legalcode>
Дополнительную информацию можно получить на нашем сайте:
www.amnesty.org

Там, где материал принадлежит другому правообладателю, нежели Amnesty International, этот материал не подпадает под действие лицензии Creative Commons.

Опубликовано впервые в 2016 году Amnesty International Ltd
Peter Benenson House, 1 Easton Street, London WC1X 0DW, UK

Индекс: EUR 62/3740/2016 - Russian

Язык оригинала: английский

amnesty.org

Фото на обложке: фото
© NORRIE3699/iStock

**AMNESTY
INTERNATIONAL**

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ	5
1.1 Методология	7
2. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В УЗБЕКИСТАН	8
2.1 Незаконная выдача на пытки	8
2.2 Расследования похищений и принудительных возвращений	11
2.3 Нарушения прав человека под предлогом обеспечения безопасности	12
2.3.1 Сотрудничество в сфере региональной безопасности против обязательств в области прав человека	13
2.4 Дипломатические гарантии	15
2.5 Принудительное выдворение из России «нежелательных иностранцев» за административные правонарушения	17
3. УГРОЗА ПРИМЕНЕНИЯ ПЫТОК В УЗБЕКИСТАНЕ: ПОСЛЕДНЯЯ ИНФОРМАЦИЯ	19
3.1 Пытки и другие виды жестокого обращения под стражей	19
3.2 Признания, полученные под принуждением	22
3.3 Преследование родственников	23
4. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	26
4.1 Выводы	26
4.2 Рекомендации	27

СЛОВАРЬ

СНГ	Содружество Н езависимых Г осударств
ФМС	Ф едеральная М играционная С лужба Р оссии
ФСБ	Ф едеральная С лужба Б езопасности Р оссийской Ф едерации
ИВС	И золятор в ременного с одержания
СИЗО	С ледственный и золятор
СНБ	С лужба Н ациональной Б езопасности Р еспублики У збекистан
СУВСИГ	С пециальное у чреждение для в ременного с одержания и ностранных г раждан
ТАШТЮРЬМА	Ц ентральное учреждение предварительного заключения, расположенное в столице страны Ташкенте, находится в ведении Министерства внутренних дел Республики Узбекистан

1. ВВЕДЕНИЕ

«Они выбили ему почти все зубы... У него остались только крошечные осколки, торчащие из десен, но корни всё ещё сидят внутри. Зубы сильно повреждены, десны опухли и покрыты ранами. Он не может есть, от него остались кожа да кости, вся спина покрыта тёмно-синими синяками. Ему не дают никаких лекарств... Их отрядник постоянно избивает его, чтобы потом запереть в карцере. Он проводит там минимум неделю каждый месяц. В этой камере нет ничего, даже кусочка бумаги, чтобы сесть. Снимают с него обувь и не дают ничего, кроме солёной воды... Его попросту медленно убивают».

Родственник одного из просителей убежища из Узбекистана, которого в 2014 году похитили из России и принудительно вернули в Узбекистан. Он отбывает длительный срок в одной из исправительных колоний в Узбекистане.

Сотни просителей убежища, беженцев и трудовых мигрантов были похищены или принудительно возвращены из России в Узбекистан с 2014 года, что является вопиющим нарушением международных обязательств России в области прав человека. Полный запрет на пытки и другие виды жестокого обращения включает также запрет на возвращение или передачу человека в любую страну, где для него или для неё существует реальная угроза стать жертвой подобных злоупотреблений. Россия является государством-участником целого ряда соглашений, запрещающих подобные передачи, однако грубо и последовательно пренебрегает своими обязательствами в области прав человека, возвращая людей в Узбекистан, где государственные власти и их подручные причиняют им ужасающие физические и психологические мучения. Эту практику необходимо прекратить.

Пытки и другие виды жестокого обращения уже долгое время являются определяющей чертой системы уголовного правосудия в Узбекистане. В выпущенном Amnesty International в апреле 2015 года докладе Тайны и ложь: Признания, полученные под пытками в Узбекистане содержится вывод о том, что применение пыток носит в Узбекистане повсеместный характер – пытки являются для властей Узбекистана основным инструментом подавления инакомыслия, борьбы с действительными или предполагаемыми угрозами национальной безопасности, а также репрессий в отношении политических

оппонентов.¹ Применение пыток (или угроза их применения) носит повседневный характер при получении показаний под принуждением; пытки используются для наказания задержанных, заключённых и членов их семей; для получения инкриминирующих показаний в отношении других лиц; а также для вымогательства.

Как явствует из этого брифинга, за прошедший год мало что изменилось.

Власти Узбекистана по-прежнему решительно отвергают утверждения о применении пыток и других видов жестокого обращения сотрудниками силовых структур и тюремным персоналом. Судьи также продолжают в значительной степени полагаться на признательные показания, полученные под пытками, выносят приговоры, основанные на полученных под принуждением показаниях, игнорируют или отклоняют как необоснованные жалобы подсудимых на пытки или другие виды жестокого обращения, даже при предъявлении убедительных доказательств. Местные органы власти и силовые структуры также продолжали преследовать родственников для того, чтобы оказать на них давление и заставить раскрыть местонахождение предполагаемых подозреваемых, или вынудить подозреваемых явиться в милицию, подписать «признательные показания», дать показания на других, отказаться от жалобы или заплатить взятку.

Когда подобный подход в рамках системы уголовного правосудия и тюремной системы практикуется повсеместно – то есть когда ситуация с правами человека в стране отмечена повсеместными и постоянными злоупотреблениями – лица, которые находятся за пределами страны и которым угрожает возвращение, имеют все основания опасаться причинения им серьёзного вреда по возвращении в Узбекистан. Тем не менее Узбекистану удалось обеспечить сотрудничество с целым рядом постсоветских стран, и в особенности с Россией, по возвращению – через процедуру экстрадиции или иным способом – множества граждан Узбекистана, объявленных противниками или лицами, представляющими угрозу для национальной безопасности. В их числе оказались люди, подозреваемые в организации либо участии в нападениях с применением насилия в Узбекистане; политические оппоненты; члены либо подозреваемые в членстве в исламистских группировках и исламских движениях, запрещённых в Узбекистане; критики правительства; состоятельные граждане, лишившиеся расположения властей или имевшие активы, которыми власти хотели бы завладеть. Многие подобные запросы об экстрадиции основываются на сфабрикованных доказательствах либо недостоверных фактах.

Власти Узбекистана в ряде случаев предлагали предоставить высылающим государствам, в том числе Российской Федерации, «дипломатические гарантии» по обеспечению безопасного возвращения, обязуясь не подвергать возвращаемого человека пыткам и предлагая независимым наблюдателям и дипломатам свободный доступ в места содержания под стражей. На практике, однако, эти заверения властей не соблюдались. Дипломатические гарантии со стороны властей Узбекистана – тех же самых властей, которые дают указания о применении пыток по отношению к задержанным или мирятся с ними, заведомо не заслуживают доверия.

Европейский суд по правам человека (Европейский суд) неоднократно предупреждал российские власти об опасностях, связанных с решением полагаться на дипломатические гарантии при оценке риска применения пыток и других видов жестокого обращения в отношении возвращаемого лица. Кроме того, российские власти слишком охотно принимали дипломатические гарантии, оправдывающие экстрадицию. Оценивая риски, связанные с возвращением, и возвращая людей в Узбекистан, российские власти отдавали приоритет двусторонним соглашениям с Узбекистаном, региональному сотрудничеству и соглашениям о взаимопомощи, направленным на обеспечение национальной и региональной безопасности и борьбу с терроризмом, ставя их выше своих международных обязательств в области прав человека.

Более того, силовые структуры Узбекистана без колебаний прибегали к похищению из России беженцев и просителей убежища в тех редких случаях, когда российские власти отказывали в их экстрадиции или Европейский суд выносил «постановление о временных мерах», чтобы остановить экстрадиции в Узбекистан. В действительности российская полиция и сотрудники Федеральной Службы Безопасности России (ФСБ) зачастую оказывались замешанными в организации подобных похищений.

¹ Amnesty International, *Тайны и ложь: Признания, полученные под пытками в Узбекистане*, индекс: EUR 62/1086/2015, 15 апреля 2015 года, www.amnesty.org/en/documents/eur62/1086/2015/en/.

Те, кого похитили или иным способом принудительно вернули в Узбекистан, подвергались содержанию под стражей без связи с внешним миром, пыткам и другим видам жестокого обращения с целью принудить их к признательным показаниям или получить информацию. Кроме того, они столкнулись с несправедливыми судебными разбирательствами, результатом которых стали длительные сроки тюремного заключения в жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство условиях. Адвокатам и правозащитникам часто стоило больших трудов установить местонахождение задержанных и следить за развитием событий. Во многих случаях силовые структуры оказывали давление на родственников возвращённых, с тем чтобы они не обращались за помощью к немногочисленным правозащитным активистам, оставшимся в Узбекистане, или в международные правозащитные организации, и не подавали жалобы на какие-либо предполагаемые нарушения прав человека. Все возможности правоохранительных органов Узбекистана, весь аппарат силовых структур был задействован для того, чтобы возвращённые в Узбекистан люди не имели никакой возможности обратиться за помощью и избежать ущерба, а в случае, если их подвергли пыткам или жестокому обращению и судили на несправедливых судебных процессах, - чтобы им некуда было обратиться за помощью в Узбекистане в поисках правовой защиты от подобных нарушений.

Российские власти, в свою очередь, исключили возможность привлечения к ответственности, предоставления правосудия или права на защиту и возмещение ущерба за участие российских госструктур в экстрадиции граждан Узбекистана обратно в Узбекистан. Адвокаты и активисты сообщили Amnesty International, что, насколько им известно, российские власти не провели ни одного эффективного расследования случаев похищений, к которым привлекали их внимание. До тех пор, пока Россия беспрекословно удовлетворяет запросы Узбекистана об экстрадиции или попустительствует незаконным похищениям и выдачам, люди по-прежнему будут страдать от мучительных пыток, безнаказанно применяемых Узбекистаном.

1.1 МЕТОДОЛОГИЯ

Данный брифинг представляет обновлённую информацию о ключевых проблемах, затронутых в докладе Amnesty International 2013 года, *Возвращение к пыткам: Экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии*², а также новую информацию и новые случаи похищений в России, описывает методы возвращения отдельных лиц в Узбекистан, где их ожидали пытки. Брифинг также содержит последнюю информацию о пытках, несправедливых судебных процессах и других продолжающихся нарушениях прав человека в самом Узбекистане.

В рамках исследования для данного брифинга Amnesty International провела в период с июля 2015 по март 2016 года серию интервью с узбекистанскими активистами, правозащитниками, пострадавшими от пыток и членами их семей, просителями убежища, представителями межправительственных и неправительственных организаций, адвокатами в России и Узбекистане, и журналистами. Все интервью – и те, что проводились с проживающими за пределами Узбекистана, и те, что проводились внутри страны или в России, были организованы с соблюдением строгого протокола безопасности, призванного обеспечить безопасность интервьюируемых и сохранность информации. Многие соглашались на запись разговора, не скрывая своего полного имени, другие просили о конфиденциальности и упоминаются под случайно выбранными псевдонимами. Несколько человек, опасаясь репрессий в отношении своих родственников, живущих в Узбекистане, потребовали, чтобы никакие сообщённые ими сведения не были включены в этот брифинг.

Amnesty International выражает признательность всем частным лицам и организациям, сотрудничавшим с нами на этапе сбора информации для этого брифинга, в том числе Ассоциации «Права человека в Центральной Азии», комитету «Гражданское содействие» (Москва), «Эрдам» («Помощь», Москва), Институту прав человека (Москва), Инициативной группе независимых правозащитников, «Мемориалу» и Узбекско-Немецкому Форуму по правам человека. Мы выражаем особую благодарность тем жителям Узбекистана и правозащитникам, кто оказал нам помощь в нашем исследовании, невзирая на риск, с которым это было сопряжено.

² Amnesty International, *Возвращение к пыткам: Экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии*, индекс: EUR 04/001/2013, 3 июля 2013, <https://www.amnesty.org/en/documents/eur04/001/2013/en/>

2. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В УЗБЕКИСТАН

«Как только их возвращают, они исчезают».³

Адвокат по делам беженцев в Москве в разговоре с представителем Amnesty International в январе 2016 года.

Шокирующий случай Мирсобира Хамидкариева, приведённый ниже, демонстрирует сотрудничество силовых структур Узбекистана и России и пособничество сотрудников ФСБ в его задержании и незаконной передаче в Узбекистан. Он также является типичным примером использования пыток и полученных под принуждением «признаний» в отношении лиц, обвинённых по возвращении в Узбекистан в антигосударственной деятельности (см. ниже раздел о пытках в Узбекистане).

Однако, как показывают свидетельства бывших узников (см. ниже), никто не может чувствовать себя в полной безопасности и ограждённым от пыток, находясь в руках силовых структур Узбекистана и тюремной администрации. То, что случилось с Мирсобиром Хамидкариевым в заключении в Узбекистане, могло произойти с любым человеком, возвращённым в Узбекистан, в том числе с теми, кто обвинялся в мошенничестве, грабеже, преступном нападении или убийстве.

2.1 НЕЗАКОННАЯ ВЫДАЧА НА ПЫТКИ

ИСТОРИЯ МИРСОБИРА ХАМИДКАРИЕВА⁴

Мирсобир Хамидкариев, узбекистанский кинопродюсер и бизнесмен, бежал в Россию в 2010 году после того, как власти Узбекистана обвинили его в организации исламистской террористической группировки, «Ислам Джихадчилари». В июне 2014 года он был похищен сотрудниками ФСБ и содержался под стражей без связи с внешним миром в неустановленном месте в Москве, был передан сотрудникам службы безопасности Узбекистана, и затем принудительно возвращён в столицу Узбекистана Ташкент. Его приговорили к восьми годам тюремного заключения 18 ноября 2014 года по обвинению в экстремизме по результатам проходившего с грубыми нарушениями судебного процесса. Ташкентский городской суд по уголовным делам признал его виновным в «незаконном создании общественных объединений или религиозных организаций» и «создании,

³ Интервью с Надеждой Ермолаевой, старшим экспертом по правовым вопросам, Институт прав человека (Москва), январь 2016.

⁴ Этот случай изложен на основе общения с представителями Мирсобира Хамидкариева в период с 2014 по 2016 годы.

управлении или участии в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещённых организациях». У Мирсобира Хамидкариева не было никакой возможности опротестовать своё похищение или вернуться в Россию; адвокат, занимавшийся его ходатайством о предоставлении убежища в России сообщил, что Мирсобира Хамидкариева пытали во время содержания под стражей в Ташкенте после возвращения.

По словам его российского адвоката, первоначальные обвинения в организации исламистской террористической группировки, выдвинутые против Мирсобира Хамидкариева в 2010 году, были связаны с его разговором со своими знакомыми на неформальной встрече в Ташкенте, в ходе которого он, как утверждалось, высказал озабоченность по поводу притеснения ислама и высказался в поддержку того, что женщины должны носить головной платок. В то же время Мирсобир Хамидкариев признал, что он принимал участие в двух неофициальных религиозных собраниях, однако настаивал на том, что на них не происходило ничего противозаконного. Понимая, что он не добьётся справедливого суда или правосудия в Узбекистане, он бежал в Россию.

В 2011 году власти Узбекистана обратились с запросом об экстрадиции. В 2013 году Генпрокуратура Российской Федерации приняла решение признать запрос Узбекистана об экстрадиции безосновательным. Генеральная прокуратура также установила, что Мирсобир Хамидкариев не мог основать «Ислам Джихадчилари» в 2009 году, как утверждалось в запросе об экстрадиции, так как эта вооружённая группировка уже существовала с 2004 года. Мирсобир Хамидкариев обратился в Федеральную миграционную службу России с ходатайством о предоставлении ему убежища, и скрываясь жил в Москве с женой и маленьким сыном, опасаясь за их безопасность.

Девятого июня 2014 года Мирсобир Хамидкариев был похищен двумя неизвестными мужчинами в штатском из такси в центре Москвы, пока он ждал у аптеки свою жену, вышедшую купить лекарство для их маленького сына. По словам очевидцев, двое мужчин сели в его такси и велели водителю быстро уехать. Весь день Мирсобира Хамидкариева продержали в подвале без связи с внешним миром в неизвестном месте в Москве, надели ему на голову пакет, и постоянно избивали. В тот же день Европейский суд выпустил постановление о временных мерах с целью не допустить его возвращения в Узбекистан. Тем не менее ФСБ России передала его силовым структурам Узбекистана на взлётной полосе в московском аэропорту. Его жена сообщила о его похищении в полицию Москвы, и на следующий день Федеральная миграционная служба России предоставила Мирсобиру Хамидкариеву убежище – но было уже слишком поздно.

Ни адвокат Мирсобира Хамидкариева, ни его семья в Москве, ни его родственники в Ташкенте не знали о его местонахождении в течение двух недель; всё это время его держали в Узбекистане в одном из центров предварительного заключения – «Таштюрьме». В «Таштюрьме» Мирсобира Хамидкариева подвергли пыткам, чтобы принудить его признать обвинения, которые он и его адвокат считают полностью сфабрированными. Его привязали вниз головой к решётке, прикреплённой к стене в помещении для допросов, и постоянно избивали. Милицционеры выбили ему семь зубов, сломали два ребра. В условиях оказанного на него крайне жёсткого давления Мирсобир Хамидкариев дал свои «признательные показания». Полученные под принуждением признания были использованы против него на суде. В настоящее время Мирсобир Хамидкариев отбывает тюремный срок в колонии в Навои, где он уже несколько недель провёл в карцере. В результате перенесённых пыток у него появилось множество проблем со здоровьем, однако доступа к соответствующей медицинской помощи у него нет. Он должен выйти на свободу в 2022 году.

Случай Мирсобира Хамидкариева со всей очевидностью показывает, насколько далеко могут зайти власти Узбекистана для того, чтобы обеспечить возвращение своих граждан и привлечения их к «правосудию», а также готовность российских властей помогать им в этом. Его незаконное похищение и содержание под стражей без связи с внешним миром в Москве, передача в руки агентам из Узбекистана, выдача в Ташкент, пытки и несправедливое судебное разбирательство составляют подлинный каталог нарушений прав человека со стороны правительств России и Узбекистана.

Российские власти грубо нарушили общепризнанный принцип международного права «отказа от принудительного возвращения» (*non-refoulement*), согласно которому запрещена экстрадиция или иная передача лиц туда, где ему или ей могут угрожать пытки. Они не предоставили Мирсобирю Хамидкариеву эффективного способа опротестовать законность его похищения или заявить о риске применения пыток, которые ему будут угрожать, если его выдадут Узбекистану. Российские власти также несут ответственность за нарушение предписания Европейского суда с требованием не передавать Мирсобира Хамидкариева Узбекистану.⁵

Насколько бы вопиющими не были обстоятельства дела Мирсобира Хамидкариева, оно не уникально. Неправительственные организации (НКО) и адвокаты, занимающиеся вопросами, связанными с беженцами в России, зафиксировали как минимум 10 случаев с 2014 года по апрель 2016 года, когда беженцев или просителей убежища из Узбекистана похищали из России и возвращали в Узбекистан.⁶

Седьмого марта 2016 года правозащитник Бахром Хамроев сообщил СМИ и НКО⁷, что сотрудники ФСБ встретили узбекистанского просителя убежища **Сарвара Мардиева**, когда его освобождали из тюрьмы в Белгородской области, в России, и что эти сотрудники увезли его в неизвестном направлении. Сарвар Мардиев попросил, чтобы Бахром Хамроев встретил его у ворот тюрьмы, поскольку боялся, что Служба национальной безопасности (СНБ) Узбекистана может попытаться его похитить. Но сотрудники российской ФСБ уже ждали Сарвара Мардиева в тюрьме. Когда Бахром Хамроев спросил сотрудника тюрьмы о местонахождении Сарвара Мардиева, тот ответил, что он уже освободился, и в последний раз его видели, когда он шел в сторону железнодорожной станции. За несколько дней до запланированного освобождения Сарвара Мардиева сотрудники СНБ обыскали дом его родителей в Кашкадарье, в Узбекистане, и задавали вопросы родственникам и соседям по поводу его занятий. Amnesty International глубоко обеспокоена тем, что Сарвар Мардиев стал жертвой насильственного исчезновения.

Других похищенных или иным образом принудительно возвращенных в Узбекистан, как Мирсобира Хамидкариева, также содержали под стражей без связи с внешним миром, подвергали пыткам и другим видам жестокого обращения с тем, чтобы заставить их дать признательные показания. В результате несправедливых судебных разбирательств их приговаривали к длительным срокам тюремного заключения в жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство условиях. Вместе с тем, в большинстве случаев адвокаты и правозащитники сталкивались с весьма серьезными препятствиями при попытках установить местонахождение этих лиц и следить за развитием событий. Часто силовые структуры оказывали давление на родственников возвращенных с тем, чтобы они не обращались за помощью в правозащитные организации и не жаловались на какие-либо предполагаемые нарушения прав человека, в противном же случае положение их находящегося под стражей родственника могло ухудшиться. В результате, многие семьи всё чаще сопротивлялись попыткам адвокатов, которые представляли интересы задержанных в Российской Федерации, предпринимать какие-либо действия в интересах их клиентов или обнародовать информацию о деле. Адвокаты и правозащитники сообщают, что в последние месяцы родственники всё чаще отказывались даже разговаривать с ними по телефону. Одна семья попросила своего российского адвоката никогда снова с ними не связываться.⁸

ИСТОРИЯ ДАВРОНА КОМОЛИДДИНОВА

Рабочий мигрант из Узбекистана Даврон Комолиддинов пропал в России в марте 2015 года. Он был задержан российской полицией в Красноярске 4 марта, после того как власти Узбекистана потребовали его экстрадиции. Последний раз один из родственников видел его 27 марта во время судебного слушания в России. Второго августа Даврон Комолиддинов позвонил своему

⁵ Европейский суд рекомендует принять временные меры в соответствии с правилом 39 Регламента суда. В случаях экстрадиции или депортации суд может дать указания соответствующему государству остановить перемещение лица до окончания судебного разбирательства с тем, чтобы избежать непоправимого ущерба.

⁶ Из интервью с Бахромом Хамроевым, директором НКО «Эрдам» (помощь). Эта число только тех случаев, о которых стало известно НКО, адвокатам и другим лицам. Amnesty International обеспокоена тем, что реальное количество таких случаев намного выше, поскольку подобные операции проводятся быстро; прежде чем тайно перевезти, людей содержат под стражей без связи с внешним миром, и нет процедурных или любых других гарантий, которые были бы применимы к таким тайным и противозаконным ситуациям.

⁷ Радио «Озодлик», Сотрудники ФСБ в «черных масках» похитили из колонии узбекского беженца, <http://rus.ozodlik.org/content/article/27594902.html>

⁸ Интервью с Надеждой Ермолаевой, ведущим экспертом Института прав человека (Москва), январь 2016 года.

родственнику, чтобы сообщить, что его передают в Узбекистан, но его семья не смогла найти его в Узбекистане. В конце концов, 18 сентября 2015 года власти Узбекистана сообщили его родственникам, что он содержался в «Таштюрьме».

По информации Ассоциации «Права человека в Центральной Азии» (АНРСА) Даврона Комолиддинова в ходе уголовного расследования в Узбекистане представлял адвокат, назначенный государством. Судя по всему, он дал показания против самого себя и подписал протоколы допросов. Его обвинили в возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды (статья 156 Уголовного кодекса Узбекистана), посягательстве на конституционный строй (статья 159) и участии в религиозной экстремистской или запрещённой организации (статья 244-2). АНРСА считает, что его пытали, чтобы получить признательные показания. Даврон Комолиддинов заявил, что, находясь в России в 2012 году, он получал информацию об исламе через интернет, в том числе проповеди независимых имамов Узбекистана. Он также выкладывал фотографии этих имамов на своей странице в социальной сети «Одноклассники». Российская полиция конфисковала его компьютер, когда задержала его в Красноярске, но не обнаружила на компьютере каких-либо материалов, которые были бы запрещены в России. Его семье не позволили навестить его в тюрьме.

По информации, имеющейся у АНРСА, государственный защитник Даврона Комолиддинова сказал его семье, что он считает, что тот невиновен в преступлениях, в которых его обвиняют, но два гражданина Узбекистана, с которыми он общался в России, когда их задержали после возвращения в Узбекистан в 2012 году, дали против него показания. На протяжении 2013 года полиция регулярно посещала дом Даврона Комолиддинова в Узбекистане и оказывала давление на его родственников с целью получить информацию о его местонахождении.

Десятого ноября 2015 года Ферганский областной суд приговорил его к семи годам тюрьмы. Девятнадцатого февраля 2016 года апелляционный суд оставил приговор в силе. Даврон Комолиддинов отбывает свой срок заключения в исправительной колонии 64/61 города Карши.

2.2 РАССЛЕДОВАНИЯ ПОХИЩЕНИЙ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ВОЗВРАЩЕНИЙ

Адвокаты, представляющие пропавших и возвращённых граждан Узбекистана, рассказали Amnesty International, что российские власти не проводили эффективных расследований обстоятельств случаев похищения, о которых их информировали. Когда расследования проводились, работники прокуратуры и следователи, а также Министерство иностранных дел, готовы были принять на веру объяснения своих узбекистанских партнёров в отношении обстоятельств возвращения лиц, запрашиваемых к экстрадиции. Возможно, не следует удивляться такому доверию, учитывая часто поступающие сообщения о предполагаемой тайной помощи российских должностных лиц в организации возвращений в Узбекистан.

В январе 2016 года российские власти написали в Комитет министров Совета Европы об итогах их расследования обстоятельств насильственного исчезновения **Икромжона Мамажонова**, подавшего жалобу в Европейский суд (см. ниже), который был похищен в июне 2013 года после его освобождения из-под стражи в Оренбурге. Они указали, что в рамках предварительного расследования они обратились к властям Узбекистана для того, чтобы получить показания Икромжона Мамажонова, чтобы установить обстоятельства его возвращения в Узбекистан. Согласно этим показаниям, данным Икромжоном Мамажоновым сотруднику СНБ в тюрьме в Узбекистане, он утром, сразу после его освобождения из-под стражи, сел в такси в Оренбурге и наземным транспортом добрался до города Шимкента, который находится в южном Казахстане на границе с Узбекистаном. Потом он перешёл границу и поехал в Ташкентскую область, где его в итоге и задержала узбекистанская полиция, где-то через 12 часов после того, как он покинул Оренбург, находящийся оттуда за 2000 километров, в России. У Икромжона Мамажонова с собой не было действительного паспорта и любых других проездных документов. На основании исключительно этих сомнительных показаний российские власти решили прекратить

уголовное расследование «за отсутствием события преступления».⁹ Адвокат Икромжона Мамажонова в России обжаловал решение о прекращении расследования. Российские власти не поставили под сомнение тот факт, что за 12 часов физически невозможно совершить 2000-километровое путешествие наземным транспортом, особенно если надо пересечь две государственные границы без удостоверения личности и проездных документов. У них даже не возникли вопросы, в связи со всей имеющейся у них информацией о принудительных признаниях в Узбекистане, о том, не были ли показания, которые Икромжон Мамажонов дал сотруднику СНБ в тюрьме в отсутствие адвоката, получены под принуждением.

В случае Мирсобира Хамидкариева российские власти также приняли официальную версию, предложенную им коллегами из Узбекистана, о том, что он добровольно поехал в Узбекистан для того, чтобы навестить свою больную мать, но никому об этом не хотел рассказывать из-за выдвинутых против него обвинений. То, что эта версия основывается на признательных показаниях Мирсобира Хамидкариева, полученных после его возвращения в Ташкент, по-видимому, не вызвало никакого беспокойства у российских властей, как и, очевидно, тот факт, что его похищение было официально зарегистрировано московской полицией и что российский адвокат сообщил, что Мирсобира Хамидкариева пытали, чтобы заставить его дать признательные показания.¹⁰

2.3 НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПОД ПРЕДЛОГОМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Последние два десятилетия вопросы национальной и региональной безопасности занимали центральное место в политической повестке дня в Узбекистане.

Всё это время власти Узбекистана постоянно использовали «борьбу с терроризмом» и с «антигосударственной» деятельностью для оправдания репрессий, в том числе применения пыток и других видов жестокого обращения по отношению к политическим оппонентам, критикам правительства, «независимым» мусульманам (тем, которые молятся в не контролируемых государством мечетях) и действительным или предполагаемым членам запрещённых исламистских групп и партий.

Власти Узбекистана начали проявлять всё большую озабоченность в связи с возрождением вооружённых группировок, в том числе «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ) после начала вывода войск США из Афганистана. Они также выражали обеспокоенность по поводу захвата территорий в Сирии и Ираке с 2013 года вооружённой группировкой, называющей себя «Исламским государством» (ИГ, организация запрещена в РФ) и сообщений о людях из Центральной Азии, едущих в Сирию в качестве добровольцев в ИГ и другие вооружённые группировки.

Недавно власти Узбекистана заявили, что страна стала более уязвима для нападений, учитывая сообщения о тактическом союзе ИДУ в Афганистане и ИГ - эту озабоченность разделяет и Российская Федерация.¹¹

В октябре Александр Бортников, директор ФСБ, сказал на встрече глав спецслужб государств СНГ, что государствам Центральной Азии необходимо укрепить свои границы с Афганистаном из-за серьёзной угрозы, которую ИГ представляет для центрально-азиатских государств. Далее он призвал своих коллег использовать опыт Узбекистана по противодействию терроризму:

⁹ Сообщение Комитету министров Совета Европы, от 19 января 2016 года, пункт 9.1, стр. 5-6, <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=2877085&SecMode=1&DocId=2348768&Usage=2>.

¹⁰ Интервью с Илларионом Васильевым, январь 2016 года.

¹¹ Многие эксперты и учёные, отслеживающие ситуацию в Афганистане, в том числе российские эксперты, поставили эти утверждения под сомнение и заявили, что нет никаких убедительных доказательств того, что ИГ и другие вооружённые группировки в Афганистане планируют нападения в Центральной Азии. См. Спутник, *Эксперты: проникновение ИГ в Афганистан пока не угрожает странам ЦА, 29 января 2016 года*, <http://ru.sputniknews-uz.com/analytics/20160129/1663671.html> и доклад Фабио Индео из Института по освещению проблем войны и мира, *Uzbekistan's Evolving Response to Afghan, Islamic State Risks (Динамика реакций Узбекистана на опасность, исходящую от Афганистана и ИГ), 18 ноября 2015 года*, <https://iwpr.net/global-voices/uzbekistans-evolving-response-afghan-islamic>.

*«Хочу отметить, что на данном направлении наши коллеги из Узбекистана накопили богатый положительный опыт [в борьбе с террористами и экстремистской пропагандой и идеологией], достойный применения и широкого распространения».*¹²

Правительства обязаны защищать права и жизни своего населения от насилия, и принимать надлежащие меры для привлечения к ответственности лиц, совершивших нападения на гражданское население. Несмотря на это, любые меры, принимаемые правительством в этом направлении, должны соответствовать нормам международного права и стандартам в области прав человека. В любом случае, запрет на применение пыток и других видов жестокого обращения - в том числе возвращение людей туда, где их могут подвергнуть пыткам - носит абсолютный характер и не допускает никаких исключений, даже в ситуациях чрезвычайного положения или угрозы национальной безопасности.

Власти Узбекистана стали с ещё большим подозрением относиться к трудовым мигрантам, возвращающимся из-за границы, у которых, по мнению властей, там был более широкий доступ к разнообразной информации об исламе, которая цензурируется или запрещена в Узбекистане, что привело к увеличению количества арестов и судебных преследований за «экстремизм». Власти также заявляли, что трудовых мигрантов в России вербуют ИМУ, ИГ и другие группировки, считающиеся экстремистскими, и что многие или поехали в Сирию, или планировали туда отправиться для того, чтобы присоединиться к вооружённым группировкам. В России сейчас работает более 2 миллионов трудовых мигрантов из Узбекистана.

В ноябре 2015 в ходе рейдов в столице страны Ташкенте и некоторых областях страны силовики задержали десятки трудовых мигрантов, вернувшихся из России и Турции, в связи с крайне спорными утверждениями о том, что они являются членами запрещённой исламистской партии «Хизб ут-Тахрир» (организация запрещена в России) и связаны с членами ИГ в Сирии. Правозащитники сообщили, что сотрудники силовых структур применяли пытки, чтобы получить у этих людей признательные показания.

По оценке экспертов, несколько сотен мужчин и женщин из Узбекистана пополнили ряды ИГ и других вооружённых группировок в Сирии и Ираке. Многие из них, как считается, приехали в Сирию из России и Турции. Некоторые вооружённые группировки также ищут носителей узбекского языка для вербовки добровольцев.¹³

ФСБ с СНБ проводили в России совместные антитеррористические операции по выявлению трудовых мигрантов, которые, как они утверждают, стали радикалами под влиянием ИГ и других вооружённых группировок, и планировали террористические акты в России.¹⁴

2.3.1 СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОТИВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Европейский суд с 2013 по март 2016 года вынес как минимум 17 судебных постановлений, осуждающих принудительную выдачу людей в Узбекистан - особенно тех, кто подозревается в участии в исламистской партии или группировках, запрещённых в стране, - по причине реальной опасности применения к ним пыток по возвращении. Например, Европейский суд в октябре 2014 года постановил по делу «Мамажонов против России», что выдача **Икромжона Мамажонова** из России в Узбекистан нарушает статью 3 (запрет на пытки) Европейской конвенции о правах человека. Суд указал на то, что «в последние годы не было отмечено никаких улучшений как в системе уголовного правосудия Узбекистана в целом, так и конкретно в обращении с лицами, привлечёнными к уголовной ответственности за преступления, совершённые по религиозным или политическим мотивам... Представляется, что применение пыток, получение

¹² Sputnik, *ФСБ РФ: СНГ нужно использовать опыт Узбекистана в борьбе с терроризмом*, 28 октября 2015, <http://ru.sputniknews-uz.com/politics/20151028/879679.html>

¹³ См. Джоанна Парашук, *RCE/PC, Uzbeks arrested for allegedly trying to join Al-Qaeda Group in Syria* (Арестованы узбеки, якобы пытавшиеся присоединиться к «Аль-Каиде» в Сирии), 6 ноября 2015 года, <http://www.rferl.org/content/uzbekistan-al-qaeda-group-syria-jannat-oshliqari/27349840.html> .

¹⁴ Репортаж федерального телеканала о совместной операции в Екатеринбурге в 2016 году. Первый канал, *Спецслужбы России, Таджикистана и Узбекистана провели совместную операцию по выявлению агентов ИГИЛ, 14 февраля 2016 года*, <http://www.1tv.ru/news/crime/302019>

признательных показаний под принуждением и отказ в доступе к адвокатам остаются распространённым явлением».¹⁵

Российские органы власти, в задачу которых входит оценка реальной угрозы применения пыток для лиц по их возвращении в Узбекистан - в том числе прокуратура, суды и миграционная служба - не могут притвориться, что они не знают о своих международных обязательствах не выдавать тех, кому грозят пытки, ни заявлять, что они не знают о многочисленных сообщениях международных организаций, таких как ООН, относительно повсеместного применения пыток в Узбекистане и соответствующих постановлениях Европейского суда. Как Российская Федерация сама подтвердила в своём сообщении от января 2016 года Комитету министров Совета Европы, соответствующие постановления регулярно рассылаются в компетентные органы для принятия мер с 2012 года.

Кроме того российский Верховный суд 14 июня 2012 года вынес постановление №11 с поручением судьям тщательно оценивать доводы лиц, разыскиваемых для выдачи, «принимая во внимание все доступные сведения», в том числе доклады структур ООН о ситуации в государстве, запросившем экстрадицию. Это официальное постановление дало основание надеяться на то, что российские суды могут начать по-настоящему оценивать опасность применения пыток или других видов жестокого обращения в ходе слушания дел об экстрадиции. Однако на практике суды часто не соблюдают этих инструкций, в том числе и сам Верховный суд. Европейский суд в 2015 году, вынося решение по делу «Эшонкулов против России»¹⁶, установил, что «Верховный суд в ходе слушаний по делу об экстрадиции отказался принять во внимание целый ряд ссылок на предыдущие решения этого же суда и сообщения о ситуации в Узбекистане... агентств ООН и неправительственных организаций... Суд считает, что трудно увязать предписания, данные Верховным судом для судов низших инстанций в своём Постановлении №11 от 14 июня 2012 года о проведении тщательного и всестороннего рассмотрения утверждений о жестоком обращении, и ограниченный масштаб расследования, предпринятого в данном деле».

В оценке рисков существующих по возвращению и в проведении выданных в Узбекистан органы власти Российской Федерации, судя по всему, ставят на первое место свои двусторонние договорённости с Узбекистаном, региональное сотрудничество и соглашения о взаимной помощи, разработанные для обеспечения национальной и региональной безопасности и борьбы с терроризмом, отодвигая на второй план свои обязательства в области прав человека. Такие договоры, как Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанная в 2001 году, и региональные договоры, такие как Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция) 1993 года, участником которых является Российская Федерация, фактически не содержат положений, касающихся прав человека, и гарантий защиты для лиц, которым угрожает экстрадиция. В том числе, эти документы не предусматривают абсолютного запрета на пытки в соответствии с международным правом.¹⁷ Впрочем, соблюдение этих договоров нельзя использовать в качестве оправдания игнорирования Российской Федерацией своих обязательств по международным и региональным договорам в области прав человека.

В письме, отправленном в 2015 году российской Федеральной миграционной службой просителю убежища из Узбекистана чётко разъяснена та роль, которую играют хорошие отношения и взаимные интересы, когда российским властям приходится оценивать риск применения пыток после возвращения в Узбекистан. В разделе, посвященном ситуации с правами человека в Узбекистане ФМС пояснил, что «по общему мнению специализированных международных НКО и независимых экспертов, Узбекистан

¹⁵ Европейский суд по правам человека, Мамажонов против Российской Федерации (Жалоба № 17239/13). Решение суда от 23 октября 2014 года, пар. 162, [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["mamazhonov"\],"documentcollectionid":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-147333"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{). Суд постановил, что не проведя адекватной оценки заявлений Икрамжона Мамажнова о том, что в случае его возвращения в Узбекистан ему будут угрожать пытки и другие виды жестокого обращения и, не проведя эффективного расследования его исчезновения и возможного принудительного перемещения в Узбекистан, Российская Федерация нарушила статью 3 Европейской конвенции о правах человека (запрет на пытки и другие виды жестокого обращения).

¹⁶ Европейский суд по правам человека, *Эшонкулов против России*, (Жалоба № 68900/13), 15 января 2015 года, <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-150713>

¹⁷ Amnesty International, Возвращение к пыткам: экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии, Индекс: EUR 04/001/2013, 3 июля 2013, <https://www.amnesty.org/en/documents/EUR04/001/2013/ru/>

находится в числе государств, где наблюдается неблагоприятная ситуация с соблюдением основных прав и свобод человека. Учитывая характер союзнических и партнерских отношений между Россией и Узбекистаном, МИД России воздерживается от критики ситуации с правами человека в этой стране». Далее ФМС приходит к выводу, что в Узбекистане: «по сути, между властью и населением сложился негласный консенсус, при котором подавление гражданских прав и свобод рассматривается в качестве своеобразной «платы» за сохранение в республике стабильной политической ситуации, обеспечение внутренней безопасности и гарантированное предоставление минимальных социально-экономических возможностей».¹⁸

2.4 ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ

Власти Узбекистана упорно добивались экстрадиции или иного принудительного возвращения сотен людей, которых они подозревали в организации или участии в нападениях с применением насилия в Узбекистане.¹⁹ Правительство также обращалось с просьбой о выдаче политических противников, членов или предполагаемых членов исламистских группировок и мусульманских движений, запрещённых в Узбекистане, критиков правительства и богатых людей, которые впали у властей в немилость. Многие из этих запросов об экстрадиции основывались на сфабрикованных доказательствах или недостоверных фактах. Правительство предлагало «дипломатические гарантии» высылающим государствам, в том числе Российской Федерации, для того, чтобы добиться возвращения, обещая свободный доступ в центры содержания под стражей для независимых наблюдателей и дипломатов. На практике же они не выполняли эти гарантии. Когда человека возвращали в Узбекистан, где пытки носят системный характер и не существует независимых механизмов мониторинга, становилось невозможно обеспечить его или её безопасность. Дипломатические гарантии властей Узбекистана, тех же самых властей, которые дают указания о применении пыток по отношению к задержанным или мирятся с ними, заведомо не заслуживают доверия.²⁰

Информация, полученная из дипломатических источников, подтверждает, что на практике власти Узбекистана крайне неохотно предоставляют дипломатам, в том числе из таких стран как Россия, Казахстан и Южная Корея, с которыми у Узбекистана близкие и дружественные отношения, доступ в центры содержания под стражей для посещения заключённых в тюрьму иностранных граждан или лиц, возвращённых в Узбекистан.²¹ В некоторых случаях дипломатам требуется до года, чтобы получить доступ к лицам, находящимся под стражей, или заключённым и, как правило, вопреки официальным обещаниям свободного и конфиденциального доступа, во время посещений их сопровождают сотрудники тюремной администрации или правоохранительных органов. В 2015 году украинское посольство в Ташкенте написало адвокату, занимавшемуся в России делом об экстрадиции гражданина Украины в Узбекистан. В этом письме консул объяснял, что посольству пришлось вести длительную официальную переписку с соответствующими органами власти Узбекистана, прежде чем дипломатическому представителю разрешили посетить находящегося в тюрьме гражданина Украины, через шесть месяцев после того, как его приговорили к длительному сроку тюремного заключения на основании полученных под пытками показаний. Поскольку эта встреча не носила конфиденциального характера - представители тюремной администрации постоянно присутствовали - заключённый не мог открыто говорить с дипломатическим представителем об условиях своего содержания.²²

¹⁸ Письмо находится в распоряжении Amnesty International. ФМС отклонило ходатайство просителя убежища о предоставлении временного убежища, несмотря на наличие убедительных доказательств того, что ему будут угрожать пытки, если он вернётся в Узбекистан.

¹⁹ Лиц, подвергшихся экстрадиции или принудительному возвращению, обвиняли во взрывах бомб в Ташкенте в 1999 и 2004 годах, в участии в протестах в Андижане в 2005 году, когда сотрудники силовых структур открыли огонь по тысячам в основном безоружных демонстрантов, в том числе женщинам и детям, а также во взрывах бомб и стрельбе в Ташкенте и Ферганской долине в 2009 году.

²⁰ См. Дж. Холл и М. Вайхердинг "The Broken Word": Central Asia's unreliable diplomatic assurances' (Нарушенное слово: ненадёжные дипломатические гарантии в Центральной Азии) в сборнике под редакцией Э. Хара, *Shelter from the Storm, The Asylum, Refuge and Extradition Situation Facing Activists From the Former Soviet Union in the CIS and Europe, 2014, сmp. 23*, <http://fpc.org.uk/fsblob/1630.pdf>

²¹ На основании общения с адвокатами беженцев, которые занимаются делами о принудительных возвращениях из России, Казахстана и Южной Кореи.

²² Письмо находится в распоряжении Amnesty International.

Дипломатические гарантии — опасный и ненадёжный механизм, который позволяет выдающему государству обойти полный запрет на отправку людей туда, где им грозят пытки или другие виды жестокого обращения. Простые обещания запрашивающего государства, что по прибытии человека не станут пытать и подвергать жестокому обращению, не могут заменить абсолютное обязательство государства не передавать людей туда, где им может грозить подобный произвол. Все государства должны соблюдать юридически-обязательные международные нормы, касающиеся защиты прав человека. А дипломатические гарантии позволяют правительствам обходить такие нормы и, тем самым, подрывают, а не укрепляют защиту прав человека. Кроме того, сам характер пыток и жестокого обращения как явления рано или поздно приводит к тому, что никакие заверения оказываются не в состоянии эффективно и надёжно предотвращать подобные нарушения. В частности, в странах, где практикуются пытки и схожие преступления, их обычно отрицают на официальном уровне; создают административные структуры, позволяющие правдоподобно опровергать их; вырабатывают техники жестокого обращения, не оставляющие следов; скрывают доказательства.

Пытки, как правило, применяются тайно, при содействии сотрудников правоохранительных и других государственных органов, часто — в атмосфере безнаказанности, потому что государства, особенно те, где пытки распространены, как правило, не расследуют утверждения о пытках и не привлекают виновников к ответственности. Люди, которые подверглись пыткам и жестокому обращению, зачастую боятся рассказывать о произволе своим адвокатам, родственникам и тем, кто пытается следить за их судьбой по возвращении, поскольку опасаются, что им самим либо их родственникам за это отомстят.

Мониторинг по возвращении, каким бы строгим он ни был, не может изменить саму природу непоправимого вреда, причинённого пытками. Кроме того, механизмы мониторинга, за которыми не стоит никакой надёжной системы, способной не только выявлять произвол, но и систематически привлекать виновных к ответственности, сразу пресекать дальнейшие злоупотребления и по-настоящему сокращать число случаев применения пыток, нельзя всерьёз рассматривать как существенную меру сдерживания или профилактики. Таким образом, любой «мониторинг по возвращении» просто не способен восполнить фундаментальную разницу между дипломатическими гарантиями неприменения пыток и жестокого обращения и международными обязательствами в сфере прав человека.

Исходя из вышеперечисленных факторов, Amnesty International вместе со многими другими международными правозащитными организациями и независимыми экспертами²³ в теории и на практике выступает против того, чтобы полагаться на дипломатические гарантии неприменения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Европейский суд неоднократно предупреждал российские власти о том, что опасно полагаться на дипломатические гарантии при оценке риска применения пыток и жестокого обращения к людям после возвращения. В январе 2015 Европейский суд в деле «Эшонкулов против России» постановил, что «безоговорочное доверие Генерального прокурора гарантиям, предоставленным властями Узбекистана, противоречило устоявшейся точке зрения Суда, что сами по себе эти гарантии являются недостаточными и что национальным органам власти следует с осторожностью относиться к гарантиям, данным государством, где пытки применяются системно и повсеместно». К тому же суд подчеркнул, что «правительство не представило каких-либо доказательств, демонстрирующих, что Генеральная прокуратура предприняла попытку оценить риски, связанные с экстрадицией в страну, где согласно

²³ Более подробную информацию вы найдёте в докладах Amnesty International: *Оставить в неведении: использование тайных доказательств в Соединённом королевстве (англ.)*, Индекс: EUR 45/014/2012, 15 октября 2012, <https://www.amnesty.org/en/documents/EUR45/014/2012/en/> и *Опасные сделки: Европа полагается на «дипломатические гарантии» против пыток (англ.)*, Индекс: EUR 01/012/2010, 12 апреля 2010 года, <https://www.amnesty.org/en/documents/EUR01/012/2010/en/>.

авторитетным международным источникам, применение пыток носит повседневный характер, а право на защиту обычно игнорируется».²⁴

2.5 ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВЫДВОРЕНИЕ ИЗ РОССИИ «НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ИНОСТРАНЦЕВ» ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Помимо участия в похищениях людей, российские власти искали и другие способы обойти свои международные обязательства и использовали административные меры, такие как выдворение за административные правонарушения, для возвращения людей в Узбекистан.

С 2012 года адвокаты и правозащитники, работающие с просителями убежища, сообщают об увеличении количества случаев, когда власти предъявляли обвинения людям, в экстрадиции которых было отказано, в административных правонарушениях, связанных с их незаконным пребыванием в России. На основании этих обвинений власти начинали процедуру депортации в отношении этих лиц, с тем чтобы обеспечить их возвращение в Узбекистан. Во многих случаях просители убежища из Узбекистана, которых задерживали до окончания слушания дела об экстрадиции, обнаруживали, что, пока они были под стражей, их виза или вид на жительство истекли и сразу после освобождения их немедленно обвиняли в превышении сроков пребывания или в отсутствии у них надлежащих документов для проживания в стране. Согласно российскому Административному кодексу подобные правонарушения, совершённые иностранным гражданином, караются штрафом и автоматическим административным выдворением. В Административном кодексе отсутствуют положения о том, что суд должен принять во внимание тяжесть совершённого преступления, обстоятельства каждого конкретного дела и любые возможные последствия для этого лица в случае его высылки из России. Кодекс не предусматривает альтернативных автоматическому выдворению методов наказания и таким образом нарушает международные обязательства России не возвращать никого в страны, где им угрожают пытки.²⁵

Адвокаты говорили Amnesty International, что с 2014 года российские власти, кроме всего прочего, начали объявлять мигрантов и просителей убежища «нежелательными иностранцами»,²⁶ особенно если до этого они были признаны виновными в совершении преступления согласно российскому законодательству, или подозревались в принадлежности к запрещённым исламистским группировкам, и поэтому рассматриваются как угроза государственной безопасности, общественному порядку либо здоровью населения. В таких случаях может быть выпущен «приказ о выдворении» данного лица, и суды могут распорядиться об его автоматической и немедленной депортации. Как и в случае с административными нарушениями, суды первой инстанции, как правило, не принимают во внимание международные обязательства России, когда выносят решение о принудительной высылке «нежелательного иностранца»; такие лица могут быть депортированы только в страну происхождения. Чаще всего они высылаются из центров содержания под стражей, в которых они отбывают свои сроки, или их содержат под стражей до окончания разбирательств по вопросу об экстрадиции в Специальных учреждениях для временного содержания иностранных граждан (СУВСИГ).

Дела об административном выдворении рассматриваются судами первой инстанции, районными и городскими судами, обычно в течение 24 часов после того как полиция предъявила обвинения просителю

²⁴ Европейский суд по правам человека, *Эшонкулов против России*, (Жалоба № 68900/13), пар. 39, 15 января 2015 года, <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-150713>.

²⁵ Более подробную информацию об административных выдворениях из России см. исчерпывающий доклад «Россия как страна убежища», Комитет «Гражданское содействие», Москва, 2015 год, стр. 238-257, <http://refugee.ru/documents/rossiya-kak-strana-ubezhishha/>

²⁶ Закон о порядке въезда в РФ и выезда из РФ (№114-ФЗ от 15.03.1996) Компетентный орган может принять решение о нежелательности пребывания иностранного гражданина на территории РФ («Решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина»). Такое решение может быть вынесено, если иностранный гражданин незаконно находится на территории РФ или если его или её проживание законно, но создаёт реальную угрозу, например, общественному порядку или здоровью населения. Когда такое решение принимается, иностранный гражданин должен покинуть Россию, в противном случае он будет депортирован. Такое решение также является правовым основанием для последующего отказа при попытке повторного въезда в Россию (статья 25.10)

убежища или трудовому мигранту в нарушении визового режима, или ФМС или ФСБ объявили их «нежелательными иностранцами». В столь короткие сроки тем, кому предъявлены обвинения, очень трудно найти адвоката. Судьи часто рассматривают несколько административных дел в ходе одной сессии и занимаются делами сразу целых групп обвиняемых, отводя на опрос лишь очень непродолжительное время. Часто на таких слушаниях не присутствуют адвокаты или переводчики, и поэтому у подсудимых фактически нет возможности заявить о своей обеспокоенности по поводу применения к ним пыток в стране происхождения.

Дело **Фароджона Наралиева** демонстрирует, как депортация, проведённая без надлежащей правовой процедуры, нарушает права иностранных граждан в России. Двадцать шестого октября Фароджон Наралиев был освобождён из предварительного заключения в Москве после окончания срока его содержания под стражей в ожидании экстрадиции. Обвинитель сказал ему, что его отвезут в местный отдел полиции, чтобы оформить его документы об освобождении. Однако, в отделе полиции Фароджону Наралиеву сказали, что его обвиняют в административном правонарушении, нарушении правил регистрации, и задержали. Полицейские отказались вызвать его адвоката и угрожали ему немедленной депортацией в Узбекистан, если он не подпишет полицейский протокол. На следующее утро его отвезли в суд на слушания по делу об административном выдворении, которые продолжались всего несколько минут. Суд отказался вызвать его адвоката, а когда он сказал, что если его вернут в Узбекистан, то его там убьют, судья ответил, что он должен изложить свои опасения письменно. Фароджон Наралиев попросил ручку и бумагу, но ему сказали, что на это нет времени. Его приговорили к административному выдворению и перевели в СУВСИГ. Его адвокат в настоящее время занимается обжалованием его выдворения и подал жалобу в Европейский суд, который выпустил постановление о временных мерах с целью остановить принудительное возвращение Фароджона Наралиева в Узбекистан.

Упрощённый характер судебных разбирательств приводит к тому, что многие обвиняемые не знают, что имеют право опротестовать решение суда, а большинство не в курсе, что они должны сделать это в течение 10 дней (или трёх месяцев в случае признания их «нежелательными иностранцами»). Апелляционный суд, возможно, охотнее примет во внимание реальный риск пыток после возвращения и остановит административную депортацию или выдворение. Впрочем, по мнению НКО и адвокатов, большинство трудовых мигрантов и просителей убежища, объявленных «нежелательными иностранцами», не в состоянии представить письменные апелляции, если у них нет адвоката. Даже в тех редких случаях, когда они представляют апелляции, их депортация автоматически не отменяется и судебные приставы могут исполнить распоряжение о депортации или выдворении в любое время, если оно не было отменено апелляционным судом.²⁷

²⁷ В марте 2016 года Европейский суд постановил, что Абдухафизу Холмуродову, просителю убежища из Узбекистана, будут угрожать пытки, согласно статье 3 Европейской конвенции, если он вернётся в Узбекистан. Суд также установил, что российские власти в ходе процедур административного выдворения, по сути дела, не рассмотрели его заявления и угрозу применения пыток, и не предложили эффективных гарантий защиты, как того требует статья 13 Европейской конвенции.

Двадцать пятого марта апелляционный суд Костромы оставил в силе приговор суда первой инстанции и разрешил административное выдворение Абдухафиза Холмуродова, который был объявлен «нежелательным иностранцем» и ему было выдано решение о нежелательности пребывания (проживания) Апелляционный суд постановил, что согласно российскому законодательству, суды не обязаны принимать во внимание решения Европейского суда об угрозе пыток после возвращения в Узбекистан или доклады международных организаций о ситуации с правами человека в Узбекистане при вынесении решений по делу об административном выдворении. Выдворение Абдухафиза Холмуродова было остановлено только Европейским судом, который выпустил постановление о временных мерах. См. Холмуродов против России (жалоба №58923/14), Европейский суд по правам человека (2016), [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-161405"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)

3. УГРОЗА ПРИМЕНЕНИЯ ПЫТОК В УЗБЕКИСТАНЕ: ПОСЛЕДНЯЯ ИНФОРМАЦИЯ

3.1 ПЫТКИ И ДРУГИЕ ВИДЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

«Когда вы оказываетесь в подвале следственного изолятора, то в этой ситуации любой очень уязвим. Вы больше никому не нужны, ваша жизнь не стоит и копейки. Никто не собирается соблюдать ваши законные права».

Из рассказа правозащитника Уктама Пардаева о пребывании в предварительном заключении в Узбекистане после его освобождения в январе 2016 года.²⁸

Amnesty International более двух десятилетий собирает документальные подтверждения применения пыток и других видов жестокого обращения в Узбекистане, а ряд международных органов делали Узбекистану замечания за подобные нарушения. Результаты исследований Amnesty International, проведённых в 2014 и начале 2015 года, были опубликованы в апреле 2015 года докладе: *«Тайны и ложь: признания, полученные под пытками в Узбекистане»*.²⁹

²⁸ Интервью Узбекско-Немецкому Форуму по правам человека, 30 января 2016 года.

²⁹ Amnesty International *«Тайны и ложь: признания, полученные под пытками в Узбекистане»*, Индекс: EUR 62/1086/2015, 15 апреля 2015, <https://amnesty.org.ru/pdf/uzbekistan-report-2015.pdf>

В следующем разделе содержатся последние данные о применении пыток в Узбекистане и демонстрируется, как отрицание и туманные отговорки правительства Узбекистана привели к тому, что виновные в применении пыток практически никогда не привлекаются к ответственности, а жертвы лишены правосудия и средств правовой защиты. Приведённые здесь данные дополняют информацию, которая содержалась в наших предыдущих докладах и очередной раз подтверждают то, что множество людей, которым угрожает возвращение из-за границы в Узбекистан, могут подвергнуться там пыткам и другим видам жестокого обращения.

В ходе рассмотрения в Комитете ООН по правам человека четвёртого периодического доклада Узбекистана в июле 2015 года,³⁰ власти Узбекистана отклонили все утверждения о продолжении регулярного и повсеместного применения пыток и других видов жестокого обращения со стороны силовых структур и сотрудников тюрем. В сентябре 2015 года глава делегации Узбекистана в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) опроверг сообщения о повсеместном распространении пыток как преднамеренную дезинформацию, цель которой - опорочить международную репутацию Узбекистана.³¹

Несмотря на эти решительные опровержения, Amnesty International продолжает получать заслуживающую доверия информацию о том, что сотрудники полиции и СНБ регулярно применяют пытки и другие виды жестокого обращения в изоляторах временного содержания (ИВС) и следственных изоляторах (СИЗО), принуждая подозреваемых и задержанных, женщин и мужчин, обвиняемых в уголовных преступлениях, таких как кража, мошенничество или убийство, признаваться в совершении преступлений или давать показания против других. Лица, обвинённые или осуждённые за антигосударственные преступления и преступления, связанные с терроризмом, в том числе те, кто были принудительно возвращены в Узбекистан, по-прежнему особенно уязвимы к пыткам как во время предварительного заключения, так и в тюрьмах после вынесения приговора.

ИСТОРИЯ УКТАМА ПАРДАЕВА

Правозащитник Уктам Пардаев был признан виновным в мошенничестве, даче взятки и клевете 11 января 2016 года Дуслыкским районным судом в Джизакской области, на северо-востоке Узбекистана, и по итогам несправедливого судебного разбирательства его приговорили к трём годам лишения свободы условно. Amnesty International считает, что его судебное преследование и осуждение носили политический характер и являлись частью продолжающейся кампании властей против правозащитников. После освобождения он говорил с другими правозащитниками об условиях содержания под стражей, пытках и других видах жестокого обращения, которые он пережил сам или наблюдал на протяжении восьми недель, которые он провел в предварительном заключении.

В СИЗО города Дуслыка Уктам Пардаев содержался в сырой и холодной двухместной камере в подвале, где был только грязный коврик для сна, а раз в день ему давали полпорции супа и половину булочки. Он рассказал, что его сокамерники менялись каждые 10 дней, и что каждый новый сокамерник был уже серьёзно избит, когда полицейские приводили его в камеру. Сокамерники рассказывали Уктаму Пардаеву, как сотрудники полиции пытали их, чтобы они признались в воровстве, в котором их обвиняли: их били дубинками по пяткам, на головы надевали противогазы и перекрывали подачу воздуха, приковывали наручниками к трубе, обливали холодной водой и оставляли так на всю ночь.

Когда 26 декабря Уктам Пардаева перевели в тюрьму города Хаваст ближе к концу его содержания под стражей, то сотрудники милиции таскали его за волосы по комнате и постоянно били его дубинками по голове, животу и груди за то, что он недостаточно быстро раздевался. Как выяснилось, это была обычная процедура оформления вновь прибывших в тюрьму. Когда тюремная администрация узнала, что он правозащитник, которого поддерживают международные

³⁰ Комитет ООН по правам человека, 114 сессия, http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/SessionDetails1.aspx?SessionID=899&Lang=en

³¹ Глава делегации Узбекистана сделал эти замечания на ежегодном Совещании ОБСЕ по учёту человеческого измерения в Варшаве (Польша), где присутствовали представители Amnesty International.

организации, условия его содержания улучшились и его больше не подвергали жестокому обращению. Однако он сказал, что ночью он мог слышать крики других заключённых, которых пытали, чтобы заставить их признаться в новых преступлениях. Его сокамерник в тюрьме Хаваста рассказал ему, что задержанные, которым предъявлены обвинения по статье 244 Уголовного кодекса, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещённых организациях, особенно уязвимы в плане возможного применения пыток, что они считаются «врагами родины» и после осуждения, в колониях, с ними обращаются с особой жестокостью.

Выступая перед Комитетом ООН по правам человека в июле 2015 года власти Узбекистана настаивали, что условия в тюрьмах страны соответствуют минимальным международным стандартам, что сотрудники тюрем не используют незаконных методов наказания заключённых, нарушивших тюремные правила, и что они не обращаются особенно жестоко с определёнными категориями заключённых, например, с осуждёнными за антигосударственные преступления.³²

Эти официальные заявления резко отличаются от рассказов родственников заключённых, правозащитников и бывших заключённых о том, что заключённых продолжают произвольно наказывать за мельчайшие предполагаемые нарушения тюремных правил. В письме, написанном в июле 2015 года, несколько месяцев спустя после освобождения, А.Д.,³³ бывший заключённый из Украины, отбывавший наказание в колонии строгого режима в городе Навои, рассказал, что заключённых за мельчайшие нарушения, часто сфабрикованные, наказывали «пайками», избиением дубинкой по пяткам и одиночным заключением до двух недель в штрафном изоляторе (ШИЗО). Обвинения в более серьёзных нарушениях тюремных правил приводили к тому, что четыре или пять сотрудников тюрьмы избивали предполагаемого нарушителя ногами, дубинками, руками и кулаками. Потом заключённого запирали на срок до 40 часов в специальной камере для наказаний, меньше чем ШИЗО, без кровати или матраса и канализации, где он был вынужден сидеть скорчившись или лежать на голом полу. А.Д. неоднократно подвергали этому наказанию.

Азам Фармонов, узник совести и правозащитник, который был осуждён в 2006 году, в основном на основании свидетельских показаний, полученных под принуждением, должен был выйти на свободу в конце апреля 2015 года, отбыв девятилетний срок в тюрьме Жаслык. Однако в мае 2015 года, после вопиюще несправедливого и закрытого судебного разбирательства, проходившего без адвоката, суд за нарушение тюремных правил продлил срок его заключения ещё на пять лет, в частности, за насмешки над другими заключёнными и за то, что не имел на одежде соответствующих идентификационных меток. Он рассказал своей жене во время тюремного свидания в июле, что в марте администрация тюрьмы продержала его в карцере 10 дней. Они сковали ему руки наручниками и неоднократно душили, завязывая надетый ему на голову мешок. Его заставляли слушать крики заключённых, которых пытали в соседних камерах.

ПЫТКИ ПО ДОВЕРЕННОСТИ

«На предварительном этапе следствия все подозреваемые проходят через камеру с лохмачами. Это уголовники, которые сотрудничают с полицией и СНБ. Лохмачи избивают, пытаются и насилуют [подозреваемых], чтобы получить их признания. Таким образом полиция не пачкает своих рук». - Бывший заключённый А.Д. описывает методы пыток в письме адвокату, написанном в июле 2015 года.³⁴

Статья 235 Уголовного кодекса устанавливает уголовную ответственность за применение пыток и других видов жестокого обращения. Тем не менее, в соответствии со статьёй 235 к ответственности

³² Комитет ООН по правам человека, 114 сессия, http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/SessionDetails1.aspx?SessionID=899&Lang=en. Правительство также объяснило, что только те заключённые, которые регулярно нарушают тюремные правила, обвиняются по статье 221 Уголовного кодекса, согласно которой нарушение тюремных правил карается увеличением срока тюремного заключения вплоть до пяти лет. При этом официальных публикаций тюремных правил в открытом доступе нет.

³³ Из письма адвокату, работающему над делом об экстрадиции А.Д., гражданина Украины, в Узбекистан. Письмо находится в распоряжении Amnesty International. Amnesty International взяла интервью у А.Д. в декабре 2015 года.

³⁴ Письмо находится в распоряжении Amnesty International.

за пытки могут быть привлечены только сотрудники правоохранительных органов. Другие, например, заключённые или задержанные, действующие по поручению или наущению сотрудников силовых структур, могут быть привлечены к ответственности лишь за помощь и соучастие в применении пыток.

Сотрудники полиции и СНБ регулярно используют осуждённых заключённых для пыток и других видов жестокого обращения с людьми, находящимися в предварительном заключении.

В июле 2015 года бывший заключённый А.Д. рассказал, что происходило с ним и другими подозреваемыми и задержанными, когда они попадали в руки к «лохмачам»:

«Методы пыток, применявшиеся в СИЗО, например, когда они избивали вас железными прутьями по пяткам (чтобы не осталось никаких физических свидетельств пытки)... или пропускали через тело электрический ток... или вгоняли иглы под ногти, но это было ничто по сравнению с тем, что происходило в камерах, где сидели лохмачи. Они не просто жестоко вас избивали, но они также подвергали вас сексуальному насилию... Перед изнасилованием они давали вам зажигалку и приказывали сжечь все волосы ниже талии...»

«Часто они подвешивают людей наискосок между двумя кроватями, привязывая, например, за левую руку [к одной кровати], а за правую ногу [к другой кровати]... Когда провисишь в такой позе долго, кости начинают выворачиваться и это ужасно больно, но никаких следов не остаётся».

3.2 ПРИЗНАНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ПОД ПРИНУЖДЕНИЕМ

«Почему с нами так унижительно обращаются?... Если они хотят убить меня, дайте им меня убить – я ни в чём не виноват! Я ни в чём не признаюсь! Мои друзья [соответчики] тоже не виноваты. Они заставляют нас давать показания друг на друга».

Речь Фурката Джураева во время апелляционных слушаний в Джизакском суде по уголовным делам 22 марта 2016 года, посвящённая пыткам, которые он перенёс под стражей.

В июле 2015 года Комитет ООН по правам человека призвал власти Узбекистана обеспечить, «чтобы запрет на получение признаний под принуждением и недопустимость использования доказательств, полученных под пытками, соблюдались на практике сотрудниками правоохранительных органов и судьями».³⁵

Всего несколькими днями раньше власти Узбекистана решительно отрицали, что пытки и другие виды жестокого обращения по-прежнему используются для получения признательных показаний или информации от находящихся под стражей в милиции или СНБ.

Тем не менее последние случаи подтвердили, что власти почти ничего не сделали для того, чтобы прекратить эту незаконную практику. Суды по-прежнему активно используют признательные показания, полученные под пытками, при вынесении приговоров. Во всех последних случаях, рассмотренных Amnesty International, судьи игнорировали или отклоняли как необоснованные утверждения о

³⁵ Заключительные замечания Комитета по правам человека, Узбекистан, *док. ООН* CCPR/C/UZB/CO/4, пар. 14, http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fUZB%2fCO%2f4&Lang=en

применении пыток и других видов жестокого обращения, даже если предъявлялись убедительные доказательства.

Например, 19 февраля 2016 года, Джизакский областной суд по уголовным делам признал виновным фермера, владельца рыбного хозяйства, **Арамаиса Авакяна** и четверых его друзей и коллег в антиконституционном заговоре, саботаже и участии в религиозной экстремистской организации. Эти пять человек были приговорены к срокам от пяти до 12 лет тюремного заключения.³⁶ Заключительное слушание заняло чуть больше часа, а жене Арамаиса Авакяна не разрешили войти в зал суда. Его адвоката лишили лицензии за три дня до заключительного слушания.

Арамаис Авакян последовательно отвергал выдвинутые против него обвинения и рассказал суду в начале процесса, в январе, что сотрудники СНБ пытали его, чтобы заставить признаться в том, что он сторонник ИГ и планировал проведение терактов в Джизаке. Шестого января его принесли в суд на носилках. Его родственники, которые не видели его четыре месяца, сказали, что он сильно похудел и еле мог стоять. Его руки также были покрыты синяками. Сотрудники СНБ сломали ему несколько рёбер и пытали электрошоком. Некоторые из свидетелей обвинения заявили в суде, что сотрудники СНБ задержали и пытали их для того, чтобы они дали показания на Арамаиса Авакяна и его товарищей. Однако судья проигнорировал все утверждения о пытках и других видах жестокого обращения и принял полученные под принуждением признательные показания обвиняемых в качестве доказательств. В окончательном вердикте говорилось, что все обвиняемые признали предъявленные им обвинения, при том что Арамаис Авакян этого не сделал.

Двадцать второго марта в ходе слушаний дела по апелляции в Джизакском областном суде по уголовным делам Арамаис Авакян опять сообщил судье, что его пытали электрошоком, чтобы получить признательные показания. Он показал судье и другим, присутствовавшим в зале суда, следы пыток на теле. Его соответчик **Фуркат Джураев**, которого приговорили к 12 годам тюремного заключения, сказал судье, что его тоже пытали и поднял брюки, чтобы показать, что его ноги покрыты тёмными синяками от ударов. Далее он заявил:

«Почему с нами так унижительно обращаются? Нам бы никогда и в голову не пришли такие вещи, как убить кого-нибудь, уничтожить сотрудников СНБ, взорвать правительство! Это все придумали сотрудники СНБ и повесили на нас. Они представили нас джихадистами, которые готовы поехать в Сирию! Мне уже всё равно! Я не боюсь СНБ! Если они хотят убить меня, дайте им убить меня - я ни в чём не виновен! Я ничего не признаю! Мои друзья [соответчики] тоже не виновны! Они заставляли нас давать показания друг на друга».

Мать Фурката Джураева рассказала правозащитнику,³⁷ что присутствующие в зале суда плакали, когда её сын и его соответчики описывали, как их пытали. Судья, тем не менее, не поручил прокурору расследовать утверждения о применении пыток и отклонил апелляции.

До ареста Арамаис Авакян владел рыбным хозяйством в Джизаке. Его семья и друзья уверены, что причина его уголовного преследования состоит в том, что местные власти заинтересовались его рыбоводческой фермой, которую он превратил в успешный бизнес.

3.3 ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РОДСТВЕННИКОВ

Это обычная и широко распространённая практика у местных органов власти в Узбекистане, сотрудников СНБ и милиции преследовать и угрожать родственникам, оказывая на них давление, с тем, чтобы они раскрыли местонахождение подозреваемого или чтобы заставить подозреваемых самих сдать милиции или СНБ, подписать «признательные показания», дать показания на других, отказаться от жалобы или заплатить взятку.

Сотрудники силовых ведомств нередко избивают родственников подозреваемых как мужчин, так и женщин, угрожают им изнасилованием или убийством детей, сексуально унижают их, вызывают для повторных допросов или заставляют комитеты махаллей (квартальное самоуправление) выгонять их из

³⁶ Информацию о деле Арамаиса Авакяна предоставили Инициативная группа правозащитников, Ассоциация «Права человека в Центральной Азии», AsiaTerra, eltuz.com и родственники Арамаиса Авакяна.

³⁷ Из интервью Улугбека Ашура, eltuz.com, взятое после апелляционных слушаний 22 марта 2016 года. Eltuz.com, Арамаис Авакян: Нас пытали электрическим током, 24 марта 2016, <http://www.eltuz.com/ru/?p=711>.

домов, а работодателей увольнять с работ. Они не стесняются прибегать и к другим видам физического и психологического насилия, равносильных пыткам и другим видам жестокого обращения ради того, чтобы выследить и обеспечить осуждение подозреваемого.

В феврале 2016 года Флора Сакунц, мать Арамаиса Авакяна, рассказала главе Инициативной группы независимых правозащитников Узбекистана³⁸, что милиция также задержала и её младшего сына, Артура Авакяна, после того, как его 28 сентября 2015 года вызвали в Министерство внутренних дел в Ташкент. Все четыре недели, которые он провёл под стражей, сотрудники милиции и СНБ пытали Артура Авакяна, чтобы заставить его дать показания против своего старшего брата. Флора Сакунц рассказала, что сотрудники милиции и СНБ связали его по рукам и ногам и пропускали электрический ток через электроды, прикреплённые к мочкам его ушей. Ток был настолько сильным, что язык у него прилипал к дёснам. Кроме этого, его постоянно избивали.

Власти Узбекистана регулярно преследуют родственников задержанных, обвиняемых или осуждённых за антигосударственные преступления. Они также преследуют семьи подозреваемых в участии в запрещённых мусульманских движениях и исламистских группах, в том числе тех, кто ищет убежища за границей или работает трудовыми мигрантами в Российской Федерации, Турции, Объединённых Арабских Эмиратах и в других местах. В то время, как в последние годы вышеперечисленные группы были в центре внимания всё более агрессивной кампании - изображающей их как «врагов государства» - практика запугивания семей подозреваемых всегда применялась широко и распространяется на «обычных» подозреваемых в уголовных преступлениях и другие группы людей, в том числе лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов; работников секс-индустрии; и бизнесменов (как иностранных, так и граждан Узбекистана), обладающих активами, в которых заинтересованы представители силовых ведомств или власти.

Власти всё чаще используют эти методы и в особенности серьёзную угрозу - предъявить обвинения в антигосударственной деятельности, как и в участии в запрещённых исламистских группировках, в отношении родственников задержанных по никак не связанным обвинениям – например, в мошенничестве, - для того, чтобы не дать родственникам открыто заявлять о нарушениях прав человека и обратиться за помощью в правозащитные организации в стране и за рубежом. Местные квартальные комитеты махаллей сотрудничают с правоохранительными органами и местными и государственными властями в пристальной слежке за жителями их махаллей, за любыми признаками поведения или деятельности, считающимися неправильными, подозрительными или незаконными, публично разоблачая таких жителей и их родственников и принимая по отношению к ним карательные меры.

Двадцатого февраля 2016 года, на следующий день после того, как Арамаис Авакян был признан виновным в террористической деятельности и других антигосударственных преступлениях, и приговорён к семи годам тюрьмы по итогам вопиюще несправедливого судебного разбирательства, его жене, Ширин Турсиновой, сообщили, что жители её махалли приняли решение изгнать её и детей из дома. Члены комитета махалли, которые в срочном порядке созвали жителей на встречу, сказали Ширин Турсиновой, что присутствовавшие приняли такое решение из-за «действий её мужа-террориста» и ещё потому, что она давала интервью иностранным журналистам, оклеветала представителей местной власти и нанесла ущерб репутации Узбекистана.

Комитеты махаллей принимали участи в государственной кампании, в рамках которой молодых мужчин и женщин предупреждали об опасности быть завербованными в вооружённые группировки, такие как ИГ. В программе, показанной по государственному каналу в январе 2016 года, участвовали члены комитетов и жители махаллей, которые выступили с публичным осуждением родителей, которых они обвиняли в то, что не смогли помешать своим детям вступить в ИГ и другие вооружённые группировки, воюющие в Сирии и Афганистане. Были показаны плачущие женщины и мужчины, в основном пожилые, окружённые соседями и представителями комитета, которые указывали на них пальцами и громко обвиняли их в том, что они «воспитали предателей».³⁹

Правозащитники, адвокаты, бывшие заключённые и родственники арестованных и заключённых сообщают, что власти также угрожают выдвинуть дополнительные обвинения в отношении заключённых,

³⁸ Инициативная группа независимых правозащитников Узбекистане, *Сообщение 19022016*, 19 February 2016.

³⁹ *O'iyomatga Qolgan Qarz* (Долг, оставшийся до Судного дня) трансляция 26 января 2016 на Первом канале телевидения Узбекистана, www.rferl.org/content/qishloq-ovozi-the-first-40-days-uzbekistan/27587417.html.

уже отбывающих наказание, - отказывая им в предварительном освобождении и, возможно, продлевая им срок заключения, если их признают виновными в нарушении тюремных правил - если родственники продолжают жаловаться на условия содержания или пытки в местные и международные правозащитные организации.

Родственники одного человека, отбывающего длительный тюремный срок по сфабрикованным обвинениям в антигосударственной деятельности, в 2015 году сказали Amnesty International, что они не хотят никакой помощи ни от правозащитного, ни от международного сообщества. Они попросили больше не предпринимать никаких действий от его или её имени и попросили больше с ними не связываться.

В некоторых случаях, которыми занималась Amnesty International, родственники, которые до этого с радостью общались с организацией и другими НКО, прекращали отвечать на телефонные звонки или отвечать на электронные письма.

4. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

4.1 ВЫВОДЫ

Несмотря на существование неопровержимых доказательств того, что в Узбекистане по-прежнему продолжают применять пытки, российские власти продолжают ставить на первое место хорошие отношения и взаимные интересы, отодвигая на второй план свои международные обязательства в области прав человека, когда сталкиваются с просьбами, официальными или иного плана, о помощи в возвращении лиц, разыскиваемых правительством Узбекистана. Российские власти без стеснения превозносят использующуюся в Узбекистане модель обеспечения безопасности, несмотря на очевидные и документально подтверждённые нарушения им международных стандартов в области прав человека, а также, похоже, готовы тайно участвовать в некоторых из наиболее очевидных проявлениях таких нарушений, в том числе похищениях и принудительных возвращениях. В то же время постановления о временных мерах, выпущенные Европейским судом по правам человека и имеющие целью приостановить возвращения, рассматриваются как препятствия, которые приходится тайно обходить.

В Узбекистане возвращённые люди оказываются вне сферы действия любой возможной защиты. В Узбекистане не привлекают к ответственности за пытки. Применение пыток по-прежнему широко распространено - и играет ключевую роль в борьбе властей Узбекистана с инакомыслием, реальными и воображаемыми угрозами государственной безопасности и в репрессиях в отношении политических противников. Возвращённые лица подвергаются содержанию под стражей без связи с внешним миром, пыткам и другим видам жестокого обращения с целью получения признательных показаний или информации. По итогам несправедливых судебных разбирательств их осуждают на длительные сроки тюремного заключения, которые они отбывают в жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство условиях. Силловые ведомства оказывают давление на родственников и адвокатов для того, чтобы они не обращались за помощью в правозащитные организации или не жаловались на предполагаемые нарушения прав человека, и зачастую настолько успешно запугивают их, что они замолкают.

Россия и Узбекистан стали подельниками в преступлении. Международное сообщество должно прямо осудить это и проявить осторожность в своём сотрудничестве в области безопасности с этими странами.

4.2 РЕКОМЕНДАЦИИ

ВЛАСТЯМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:

- Обеспечить, чтобы ни одно лицо, находящееся под юрисдикцией Российской Федерации, не было возвращено путём выдачи или иных принудительных передач в любую страну, включая Узбекистан, где ему будут грозить пытки и другие виды жестокого обращения, а также очевидно несправедливые судебные разбирательства или любые другие серьёзные нарушения прав человека.
- Воздержаться от использования и доверия дипломатическим гарантиям для уклонения от этих обязательств и от выдачи или иных возвращений лиц в страны, в том числе в Узбекистан, где им могут угрожать пытки и другие виды жестокого обращения.
- Обеспечить, чтобы гарантии в российском законодательстве и предписания Верховного суда России, в частности, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 14.06.2012 №11, редакция 27 июня 2013 года, систематически и последовательно применялись на практике прокурорами, миграционными службами и судами всех инстанций, включая Верховный суд РФ, при осуществлении оценки угрозы применения пыток и других видов жестокого обращения по возвращении во время слушаний по делам об экстрадиции и других разбирательствах, где требуется проведение такой оценки.
- Прекратить практику автоматического задержания и выдворения лиц, в том числе просителей убежища, которые были объявлены «нежелательными иностранцами» в страны происхождения, в том числе в Узбекистан, без проведения оценки угрозы применения пыток по возвращении, а также создать эффективный механизм, при котором лицу, объявленному «нежелательным иностранцем», предоставляется право опротестовывать решение об административном выдворении.
- Обеспечить лицам фактическую возможность и надлежащим образом уведомлять их о наличии такой возможности обжаловать в суде или перед независимым судебным арбитром решение об экстрадиции или осуществлении другого вида принудительной передачи.
- В полном объёме выполнять Правило 39 о временных мерах и постановлениях Европейского суда по правам человека в отношении дел о возвращении и экстрадиции.
- Принять целый ряд мер для обеспечения оперативного, эффективного, беспристрастного и независимого расследования исчезновений и принудительных передач.

МЕЖДУНАРОДНОМУ СООБЩЕСТВУ:

- Включить права человека, в частности, абсолютный запрет на отправку лица туда, где ему или ей угрожают пытки и другие виды жестокого обращения, в повестку всех двусторонних и многосторонних встреч с правительством Российской Федерации и призвать российские власти привести свою практику в полное соответствие с их международными обязательствами в области прав человека.

ВЛАСТЯМ УЗБЕКИСТАНА:

- Президент и другие высокопоставленные правительственные чиновники, включая Премьер-министра, Генерального прокурора, Министра внутренних дел и Председателя Службы национальной безопасности, должны немедленно публично осудить использование пыток и иных видов жестокого обращения.
- Президент должен издать указ, требующий внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс с целью включить в него абсолютный запрет при любых обстоятельствах на получение свидетельских или признательных показаний под пытками и на приобщение к делу таких показаний.
- Обеспечить, чтобы все судебные разбирательства, включая суды над принудительно возвращёнными в Узбекистан лицами, проводились в соответствии с международными стандартами справедливого судопроизводства, в том числе обязательствами Узбекистана согласно Международному пакту о гражданских и политических правах.
- Обеспечить, чтобы все задержанные и заключённые, в том числе экстрадированные или иным образом возвращённые из других стран, включая Российскую Федерацию, имели возможность сразу после задержания воспользоваться правом связаться со своей семьёй или любым другим третьим

лицом, получить консультацию адвоката по собственному выбору наедине и в конфиденциальной обстановке, и прибегнуть к помощи независимого медицинского работника.

- Учредить эффективную систему независимых, внеплановых и неограниченных проверок всех мест содержания под стражей, проводимых компетентными, независимыми и беспристрастными органами с целью предупреждения пыток. Инспекторы должны иметь возможность общаться наедине и в конфиденциальной обстановке с каждым задержанным и заключённым. Результаты расследований и посещений таких органов должны публиковаться в полном объёме.
- Обеспечить проведение своевременного, объективного и всеобъемлющего расследования всех жалоб на пытки и другие виды жестокого, бесчеловечного и унижающего обращения или наказания со стороны любого лица, подвергнутого любой форме ареста, задержания или тюремного заключения в случае, если есть веские основания заключить, что пытки или другие виды жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения имели место, даже если никаких жалоб не поступало.
- Привлечь к ответственности тех сотрудников правоохранительных органов, в отношении которых имеются убедительные и обоснованные доказательства их причастности к пыткам или другим видам жестокого обращения, в том числе обеспечить привлечение к ответственности сотрудников, имеющих властные полномочия независимо от их звания и статуса, в ходе судебных разбирательств, отвечающих международным стандартам справедливого судопроизводства.

**AMNESTY INTERNATIONAL —
ВСЕМИРНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.
КОГДА НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ
ПРОИСХОДИТ С ОДНИМ
ЧЕЛОВЕКОМ — ЭТО
КАСАЕТСЯ ВСЕХ НАС.**

СВЯЗАТЬСЯ С НАМИ

 info@amnesty.org

 +44 (0)20 7413 5500

УЧАСТВУЙТЕ В ОБСУЖДЕНИИ

 www.facebook.com/AmnestyGlobal

 @AmnestyOnline

НАПРЯМУЮ К ПЫТКАМ:

ПОХИЩЕНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ РОССИИ В УЗБЕКИСТАН

Власти Узбекистана упорно добивались того, чтобы сотни людей, которых они подозревают в преступной деятельности, несогласии с правительством или угрозе национальной безопасности, были экстрадированы или против их воли возвращены из России.

Сталкиваясь с отказом или препятствиями к экстрадиции, силовые структуры Узбекистана похищали из России тех, кто просил там убежища. Российские власти регулярно поступали своими международными обязательствами в области прав человека или игнорировали их, содействуя похищениям или депортации «нежелательных иностранцев» обратно в Узбекистан, где их ожидали пытки.

В этом брифинге рассказывается о том, что пытки по-прежнему повсеместно распространены в тюрьмах Узбекистана и местах содержания под стражей, где их используют для выбивания признаний, наказания заключённых и членов их семей, оговора и вымогательства. Применение пыток для подавления инакомыслия, борьбы с политической оппозицией и предполагаемыми угрозами национальной безопасности носит регулярный характер.

Случаи, описанные в этом брифинге, показывают, что те, кто был похищен или против воли возвращён в Узбекистан, подверглись содержанию под стражей без связи с внешним миром, пыткам и другим видам жестокого обращения с целью принудить их к признанию или получить информацию. Кроме того, они столкнулись с несправедливыми судебными разбирательствами, результатом которых стали длительные сроки тюремного заключения в жестоких, бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство условиях.

Российские власти принимают на веру заверения своих коллег в Узбекистане о том, что возвращаемых в Узбекистан не станут пытать; российские власти не смогли эффективно расследовать ни один из случаев похищений, о которых их информировали.

Индекс: EUR 62/3740/2016

Апрель 2016

amnesty.org

AMNESTY
INTERNATIONAL